

С. Д. ШЕРЕМЕТЕВ

<Воскресные собрания у великих князей в Петербурге>

В воскресенье около 3 часов обыкновенно приезжал придворный лакей с приглашением на вечер к великим князьям, к 5½ часам. С каким нетерпением ожидалось это приглашение! Целую неделю, бывало, ждешь и не дождешься, как бы выбраться из дому, где я постоянно находился в совершенном одиночестве. Сколько предположений, планов составлялось на воскресенье! И вот наступал заветный час, меня облакали в гусарскую курточку (гусарские курточки были изобретены Императором Николаем, и так как великие князья постоянно их носили, то и нам дано было позволение их надевать во всякое время, меня забавляло всегда, что по фуражке солдаты на улице, а иногда и офицеры принимали меня за великого князя и отдавали честь (в сущности, это было не что иное, как ливрея), закутывали, сажали в закрытую карету и отвозили во дворец.

Великие князья Николай, Александр и Владимир занимали тогда ту половину дворца, окна которой отчасти глядят на большую площадь, отчасти на Большую Миллионную, а потому приезжали мы всегда по Комендантскому подъезду. Ровно в 5½ вся молодежь была уже собрана и ожидали появления великих князей. Нас было довольно количество, и народ довольно буйный. Тут были Козлов, два Мейендорфа, Олсуфьев, два Адлерберга, двое Барятинских (сыновья кн[язя] Анатолия Ивановича), Опочинин, Юрьевский, Ламберт, Толстой, Барятинский (сын кн[язя] Владимира), двое Дадьянов. Я здесь называю решительно всех, но в первые годы нас было гораздо меньше. Из великих князей присутствовали постоянно трое старших, только впоследствии стали показываться Алексей и Николай Константинович, также оба Лейхтенбергских и Ольденбургские Николай и Александр.

В 6 часов ровно приходили великие князья от царского стола и начиналась потеха... В 9 часов сановитые «наставники», генералы Гогель и Казнаков, заявляли о прекращении игр, причем употреблялась лаконическая по выразительности фраза: «Прощайтесь с гостями». Волей-неволей расходились. Князья отправлялись к Государю, мы же оставались еще некоторое время в ожидании своих «менторов», причем обыкновенно происходили жаркие прения и рассуждения о впечатлениях вечера. С большим трудом нас разнимали и отвозили каждого восвояси.

Вечера эти начались в царствование Императора Николая Павловича, во время Крымской войны, и продолжались при нынешнем Государе почти до года¹. Уже цесаревич Николай Александрович был совершенно отделен от братьев и жил в так называемом Шепелевском дворце². Вечера еще продолжались, причем, конечно, все группировалось около Александра Александровича. Только с назначением новых воспитателей, а именно графа Перовского, игры были прекращены и стали ходить по городу слухи, что это вследствие дурного влияния, которое имела молодежь на великих князей. Но об этом после.

Первоначально, т. е. еще при покойном Государе³, все находилось под сильнейшим влиянием войны⁴. Под впечатлением первых побед (слухи о которых доходили и до нас) молодежь находилась в самом воинственном настроении духа. Государь весьма часто приходил к великим князьям и принимал иногда деятельное участие в играх, присутствовал при смене караулов, играл вместе в мяч и т. п. Это его, видимо, забавляло. Могу сказать, что в эти первые годы приезжать к великим князьям доставляло истинное удовольствие. Мы были детьми, и каждый веселился, как умел, не очень стесняясь приличиями света и без малейшего желания быть выскочкою. С годами вечера у великих князей приняли несколько иной характер. Сделавшись несколько старше, некоторые личности стали выдаваться, приобретать влияние на молодых князей и делались распорядителями и руководителями в играх. Для сего нужна была не столько ловкость, сколько сила. Кто был постарше, одарен достаточною физическою силою, тот брал над всеми перевес, держал в руках Николая Александровича, а за ним и остальных, командовал и распоряжался довольно самовластно. Таким был постоянно Козлов, а отчасти Мейендорф и Олсуфьев. Что касается меня, то я постоянно держался в стороне от сильных мира сего, будучи годами моложе и нрава не предприимчивого; от великих князей держал себя довольно в стороне и не всегда принимал участие в воинственных играх. Только во время так называемого бомбардирования, когда все разделялись на два враждебных лагеря, из которых один занимал деревянное укрепление (сделанное в комнате — бруствер), другой же осаждал

его, т. е. бросал крепкие резиновые мячики (из-за бруствера отвечали тем же, и это было истинное побоище). Тогда только воинственный жар овладевал мною, и [я] становился на свою позицию. Позиция эта была чрезвычайно выгодна: заслоненный большою деревянною горою, из-за которой меня решительно не было видно, я постоянно был усердным помощником осаждающих. Шары мои хорошо попадали в цель, сам же я находился вне опасности. Вообще, чувство самосохранения уже и тогда было во мне очень развито. Я нисколько не желал, чтобы резиновый шар, сделавшись от частого употребления подобным камню, попал бы мне в висок или в глаз. А между бойцами были такие богатыри, которые с удивительною силою и меткостью принаравливались, как бы кого выбить из строя в истинном смысле слова. Достаточно показать примером молодого Ламберта, которому великий князь Николай Николаевич (случайно принимавший участие в побоище) сломал нос!.. Не поздоровилось и самому генералу Гогелю: мячик попал ему в живот, пока он о чем-то очень дельно рассуждал. Поморщился генерал, но как мяч был брошен высочайшею рукой, то он остался непоколеблен.

Все это служит оправданием моей осторожности, а стоя спокойно за горой, я причинял немалый вред противнику, и этим оправдал правило тактики, что следует пользоваться всяким прикрытием при выборе позиции. Игра эта под названием бомбардирование держалась несколько лет; только в последние годы ее заменили игрою в разбойники, весьма неудачною. Разделялись на две неровные партии. Все старшие и силачи, имея во главе Александра Александровича, были солдатами и преследовали повсюду человек пять-шесть «разбойников», главою которых был всегда Владимир Александрович. Последние, т. е. разбойники, к которым всегда принадлежал и я, бродили по всем комнатам, укрываясь от преследования, словом, вели чисто партизанскую войну, когда всякий делал что хотел по вдохновению, не было повиновения одному лицу. Полная совершенная независимость была очень для меня заманчива, тем более что, когда мне надоедало бегать, я делал что хотел.

Все, что я говорю теперь, относится до последнего году вечеров, это время упадка их. Наследник Николай Александрович, совершенно отделенный, не принимал никакого участия в играх, даже редко приходил. Присутствие его несколько удерживало тех, кто желал играть первенствующую роль, его остерегались, хотя и тут были молодцы не промах! Когда же стал распорядителем Александр Александрович, то сделалась совершенная анархия. Выдвинулся Никс Адлерберг и взял в руки великого князя. Он всем начал распорядяться, что было многим неприятно, мне же в особенности. Я никогда не имел особенного сердечного влечения к Адлербергу,

и у нас были довольно частые столкновения. Однажды, стоя на игре, он ни с того ни с сего ударил меня ногой в живот, и довольно сильно. Это было сигналом к разрыву. Будучи слабее Адлерберга, я не мог противиться ему открыто: рукопашного боя я избегал и держался осторожно. Адлерберг составил против меня целую партию, я с своей стороны нашел хороших союзников, и со мною ничего не могли сделать. Все это было ребячество, но время шло, дурное впечатление оставалось, и вот Адлерберг делается полным властителем, и все склоняется перед ним! (Старшего Мейендорфа, Козлова, Олсуфьева уже тогда не было, они все готовились уже на службу.) Это начало меня тяготить, я по-прежнему избегал его и не преклонялся ни перед кем. Я стал в исключительное положение, ни в чем не принимал более участия и очень сучал. Вечера у великих князей наконец просто стали невыносимы. Обстоятельства пришли мне на выручку. Новые воспитатели стали смотреть на эти собрания с невыгодной точки зрения. Стали подозревать кое-кого в дурном влиянии на великих князей. Основательно ли подобное предположение или нет, не берусь решить. Одним словом, собрания были окончательно прекращены, все разбрелись и каждый пошел своей дорогой. Я прекратил всякие сношения с великими князьями, только приходил их поздравить с праздниками и в особенности цесаревича Николая, которого всегда любил и уважал. С товарищами также совершенно разошелся, да и слава Богу. Был у меня дом, который заменил все...

